

ЛУЧШИЙ ПРОТИВ ЛУЧШЕГО

— Что улыбаешься?

— Мне понравилось то, что ты сделал. Ты был в ударе. Устроил настоящее зрелище. Друг, ты прямо как шекспировский герой. Правда, там всегда трагичный финал.

— Тут каждый день в колонии трагичные финалы. Устал.

— Устал от насилия и хочешь любви?

— Мне кажется, ты ревнуешь, Хадир.

— Конечно! *Она* занимает мое место. Хотя меня в тебе и так все меньше и меньше.

— Полгода как я ничего не принимал. Серебро почти вывелось.

— Да. По всей видимости, мы скоро попросаемся. Но ты вспоминай обо мне, когда будешь с *ней*. Хотя звучит не очень.

— Ха. Иди к черту...

— ...

— Знаешь, я не думаю о *ней*. Стараюсь не думать. Но у меня такое чувство, будто я готов, понимаешь?

— К чему?

- Чтобы открыться. И, видимо... не знаю. Любить?
- Хочешь признаться *ей*?
- Нет. Конечно нет. На кой черт я *ей* сдался. Нет. Принять свои чувства. Будто я готов признаться самому себе, что влюбился в кого-то на Луне.
- В Луну на Луне. Забавно.
- Не знаю. Думаю, это неправильно. Думать о любви в такой момент. И если быть совсем честным, наверное, я понял это сразу. Как только ее увидел.
- Любовь с первого взгляда...
- Может быть. Но я отметал эти мысли, потому что был занят выживанием. И сейчас я должен быть занят нашей главной целью.
- Но все твои пути ведут к *ней*.
- Да. Все сложно, Хадир. И эти цифры... Никто не может знать эту последовательность. А шанс случайно повторить ее ничтожен! Она всегда была только в моей голове — и в Ари, которую украла NWC, но они не могли заполучить этот код, никак. Я абсолютно уверен. Его нереально выкопать.
- Ну, зато я знаю его наизусть. Пять, два, восемь. Четыре, девять, один...
- Очень смешно.
- Ну что, завтра тот самый день?
- Да.
- Думаешь, ты готов?
- Думаю, это уже неважно. Я должен действовать. Не знаю, как мы перенесем смерть кого-нибудь еще из ребят.
- Парни перенесут. Тут вопрос только в тебе. Потому что ты ощущаешь себя виновным в каждой смерти. Мне ли не знать.
- Так и есть. Я виновен.

— Джай, есть от нее новости?

— Шутишь? Даже не вышла на Терки после вашего вчерашнего концерта.

— Черт. Ладно, собирай парней. Пришло время.

Уже через минуту два десятка шахтеров окружают Стоуна.

— Пора? — спрашивает Бенуа.

— Да, — отвечает триста третий и делает глубокий вдох, пытаясь успокоить шторм, бушующий внутри. Сейчас или никогда. — Парни. Вы все знаете, в каком мы положении. Колония проверяет нас на прочность. Нас оскорбляют, на нас нападают, и... нас убивают. Но мы стоим. Пришло время ответить. Надеюсь, что только мне. Но если все пойдет не по плану, я знаю, что вы меня поддержите.

— Погнали, — говорит появившийся рядом Оскар.

— Погнали, — кивает Стоун.

Шахтеры сучиваются и, игнорируя правила Терок, пересекают территорию «желтых». Увидев их, гладиаторы сразу выстраиваются в ряд. Играют накачанными стероидами мышцами, в глазах рябит от татуировок.

— Я хочу поговорить с вашим представителем, — громко произносит Стоун. — С любим, кто имеет право говорить от лица клуба.

Гладиаторы сконфуженно переглядываются.

— Пошел на хрен, — отвечает один из них, плюнув под ноги Стоуну.

— Говнюк, я отрежу твои... — вскипает Оскар.

— Спокойно, — останавливает его Стоун и требовательно повторяет: — Я хочу поговорить с вашим представителем. Позовите любого, кто имеет право говорить от гладиаторов.

— Пообщайся с нашими кулаками! — доносится из толпы главного клуба, и остальные подтверждают враждебными криками готовность схлестнуться стенка на стенку.

— Мечтали об этом! — отвечают шахтеры, и, когда кажется, что массовой драки не избежать, звучит сиплый голос Коннора:

— Хочешь пообщаться, триста третий?

— Да.

— Вот я — официальное лицо, — подмигивает он. — Как ты и хотел. Расслабьтесь, парни. — Рыжий выходит вперед. — Пришли сиги стрельнуть? — Он один смеется над собственной шуткой, как шакал. — За этим — к продавцам. Если они готовы вести с вами дела.

— Я здесь по своему делу. Только я.

— Только ты? — усмехается Коннор и делает шаг навстречу. — Ты, слизняк, остановил Терки, чтобы пообщаться с гладиаторами? Да кем ты себя возомнил?! — Он вынимает охотничий нож, большой и черный, — точно такой же Браун вонзил в стол рядом с лицом Стоуна. Нет сомнений, это подарок, и очень полезный в стенах колонии. — А? Ты, мразь! Кем ты себя возомнил?!

— Бойцом, — отвечает триста третий невозмутимо, а затем кричит в лица стоящих перед ним гладиаторов: — Я триста третий заключенный колонии «Мункейдж» Дэниел Стоун! Я пришел сюда драться!

— С кем? С нами? — Коннор разводит руками.

— Да. Скоро конец месяца, а значит, состоится Подведение итогов, на котором шахтеров, видимо, не будет. И я понимаю это решение руководства. Вы все пахали: посредники, продавцы и гладиаторы. Вы заслужили свое участие. Мы — пока нет.

— Так и есть, крысеныш, — цедит рыжий.

— Но есть одно но! Я дрался! Дрался в этом месяце пять раз, и каждый раз побеждал! Кто из вас, — он тычет в гладиаторов, — может похвастаться таким же результатом? Кто во всей колонии побеждал чаще? — Затем обращается к Коннору: — Да, я, возможно, не самый сильный боец, но в конце каждого боя руку поднимали мою. — Гладиатор в ответ брезгливо, будто видит перед собой мешок с дерьмом, морщит нос. — И я считаю себя лучшим бойцом прошедшего месяца! Лучшим гладиатором, который выходил и дрался! Пролил крови больше, чем каждый из вас! И я считаю, что именно я должен быть принцем от гладиаторов на предстоящем Подведении итогов!

— Чего? — возмущается один.

— Сумасшедший ублюдок! — добавляет второй, собираясь пустить в ход кулаки, но Коннор, положив руку тому на грудь, запрещает это. Его самодовольная улыбка становится все шире.

— Если кто-либо из вас не согласен с моим мнением, предлагаю прямо сейчас перед всеми решить этот вопрос способом, который вы уважаете!

— Я правильно расслышал? — Коннор еле сдерживает смех. — Ты хочешь драться с лучшим гладиатором этого месяца, чтобы стать нашим принцем?

— Да.

— Знаешь, я здесь давно. И я не припомню такой наглости. Такой храбрости... И такой тупости. Мне твоё предложение реально нравится. Но проблема в том, что ты никто, чтобы делать подобные заявления. Парни, загасим их! — Коннор заряжает своих на драку.

— Готовьтесь! — кричит Бенуа, но Стоун выходит в центр и, высмотрев Максимуса за широкими плечами противников, продолжает взывать:

— Максимум, я думал, что гладиаторы — это не просто клуб! Посредники и продавцы, да и мы, шахтеры, просто клубы. А вы гладиаторы! Вы воины!

— Так и есть! — отвечает кто-то из враждебной толпы.

— Тогда хоть кто-нибудь из вас объяснит мне, что происходит? Почему я должен просить лучшего из вас со мной подраться?

— Ах ты гнида! — скрипит зубами Коннор. — Играешь на публику?!

— Я жду того из гладиаторов, кто чаще всех побеждал в этом месяце. Это голая статистика. Лучший против лучшего. Ваш лучший воин прячется где-то в толпе! В то время как обычный безбилетник, — Стоун поднимает руку с серым браслетом, — вызывает его на бой!

Над толпой гладиаторов поднимается мускулистая рука с красным браслетом.

— Я тут! И я побеждал чаще всех! — кричит разъяренный заключенный и, расталкивая одноклубников, подходит к выскочке.

— Вернись обратно, Ханц, — говорит Коннор. — Это не тебе решать.

— В этом есть смысл, — холодно вмешивается Максимум, тоже оказываясь рядом. — Наш лучший боец этого месяца обязан быть сильнее любого, кто побеждал на вызовах.

— У нас есть правила! Принц уже выбран. Ханц, ты будешь представлять нас на Подведении итогов.

— Буду, потому что этот щенок не победит! — Он трет пальцами левой руки правый кулак, изрезанный шрамами. — Я готов драться прямо сейчас.

По толпе зрителей пробегает шепот, затем раздаются недовольные выкрики.

— Это все дерьмо собачье, — ругается Коннор, а затем поворачивается к территории «красных»: — Леон! Нам нужно твое решение!

Толпа расступается. Стоун видит широченную спину и выбритый затылок лидера гладиаторов. Тот сидит на стуле и спокойно режется с кем-то в карты. Собрав свою раздачу в колоду, он кладет карты на стол и, лениво встав, идет в эпицентр назревающей драки.

— Опять ты? — Он надменно смотрит на Стоуна.

— Меня зовут Стоун.

— Мне плевать. Ты хочешь туда? — Он указывает на второй сектор.

— Да.

— Ты мог попросить другие клубы. Но если ты пришел к нам, значит, не ищешь легких путей. — Леон кивает сам себе. — Уважаю. Дерись.

Стоун тоже кивает в знак благодарности.

— Но если он проиграет, — говорит лидер гладиаторов Ханцу, — сделай так, чтобы он больше не мог драться. Чтобы для всех это было уроком. И чтобы самые дерзкие, — он смотрит на Бена, — поняли, что рано или поздно это случится и с ними. Сделайте круг.

По команде заключенные расходятся, освобождая пространство для боя.

— Устраиваете секретную вечеринку? — раздается голос Брауна в динамиках. — Это не очень красиво с вашей стороны. Свободу всем! Этот бой должен видеть каждый!

Решетки одновременно открываются. Как всегда, девушки подходят к забору. Парни заполняют все этажи.

— Какой дашь совет, тренер? — спрашивает Стоун, когда его окружают друзья.

— Не драться с Ханцем, потому что он гребаное животное, — с тревогой отвечает Джавайа. — Но раз боя не избежать, то держись на расстоянии. Он напичкан стероидами. Не выдержит истощения. Так что бегай вокруг, прыгай и не попадайся.

— Не дай себя схватить, — вдруг говорит Павел, подходя к парням. — Он не будет много боксировать. Травмировал руку в последнем бою. Поэтому попытается просто поймать тебя в захват, повалить и забить сверху.

— Понял, — отвечает Стоун.

— Значит, все, что он станет делать, будет только для вида, — подхватывает Джай. — Лишь бы запугать тебя и зажать у края. Будь очень быстрым и двигайся по кругу. Ну, — он нервно усмехается, — и не нарвись на кулак.

— Выходи, тряпка, я вытру тобой пол! — рявкает гладиатор.

— Стоун, — говорит Павел напоследок. — Помни главное: увидел шанс — используй его. Это не соревнование. Это бой насмерть. Тут нет правил.

Самсуров пятится и растворяется в толпе. Друзья ободряюще хлопают Стоуна по плечам и дают наставления, но он их уже не слышит. Теперь есть только он и Ханц.

— Это третий раз, когда я собираюсь свернуть тебе шею. И сейчас тебя никто не спасет!

Громила выходит в центр, сжимая кулаки. Стоун встает напротив.

— Полагаю, сегодня я за мистера Ульдерсани, — усмехается в динамик Браун. Стоун представляет его довольную улыбку, ведь триста третий заключенный дал то, что обещал, — зрелище. — Начинайте!

Стоун подходит к Ханцу и вытягивает перед собой руку со сжатым кулаком. Тот бьет по нему и говорит:

— Хочешь к своей телочке? Я передам ей от тебя привет.

Под рев толпы драка начинается.

— Понеслась, Стоун! — кричит Оскар, а за ним и остальные.

Ханц, кривя рот, разминает правую кисть — словно в подтверждение слов Павла. Затем сразу захватывает центр, даже не пытаясь делать каких-либо обманных движений. Первые удары ногами грузные и медлительные, скорее просто чтобы размяться — разогнать кровь по мышцам. Стоун же бежит из стороны в сторону, демонстрируя свою тактику: это соревнование, у кого больше бензобак.

Оказавшись в углу гладиаторов, Стоун затылком чувствует звуковую волну — все скандируют имя соперника: «ХАНЦ! ХАНЦ! ХАНЦ!»

«Надо бы стереть радость с их лиц», — думает он, после очередного промаха гладиатора срывается с места — и бьет ногой в живот. Казалось бы, удар по скале, но, судя по лицу Ханца, ему как минимум неприятно. Удивленный, Стоун отбегает и пытается разобраться, как это получилось. Все просто: Ханц — гора мышц, но с большим выпуклым животом, и под этой жировой прослойкой, видимо, кубиков и не намечается. Еще бы. Кубики требуют терпения. Не Стоуну ли знать.

Взревев, Ханц набрасывается с кулаками, летящими с медвежьей мощью по широкой амплитуде. Стоун в последний момент еле ускользает, ныряя ему под мышку, но, споткнувшись, врезается в гладиаторов. Те с силой толкают его в центр, и он падает на колени. Ханц радостно хватает его за плечо, но Стоун вырывается, оставив

разорванную белую майку в руке гладиатора. Он чувствует адское жжение в плече — и видит кровоточащие царапины, идущие до груди. Действительно, гребаный медведь.

Очередное нападение. Кулаки, словно валуны, падают на Стоуна сверху, с боков и даже снизу. Один удар приходится по скуле и наверняка оставляет красную борозду.

— Держись, Стоун! — кричит кто-то из-за спины. Женский голос. Луна? Он оборачивается и видит среди девушек, поголовно поддерживающих его, Рене. Она жестко произносит: — Не налажай.

— Выбей из него все дерьмо! — добавляет какая-то психованная фанатка, и в этот момент огромный ботинок Ханца пролетает рядом с ним и врежется в решетку, которая дребезжит с таким звуком, будто в нее влетела машина.

— Сучонок! Хватит бегать!

Гладиатор бьет еще раз, и Стоун быстро принимает защитную боксерскую стойку. Сильный удар в плечо заставляет отшатнуться, но боли, к которой он готовился, нет. Ханц, сам того не желая, вновь напоминает о своей травме, на секунду спрятав правый кулак за спиной.

— Это все, что у тебя есть? — с вызовом усмехается Стоун. — Давай, боров!

Он опять закрывается и получает удар левой — словно кувалдой. Больно, но терпимо.

— Все? — спрашивает он, глядя в ошеломленное лицо Ханца. — Давай, принцесса!

Еще удары, один за другим, и от каждого больно. Особенно от того, что прилетает в корпус, но пресс кое-как справляется. Кашлянув, Стоун вновь поднимает кулаки.

— Отстрелялся?

— Я только начал!

После очередного града ударов в блок Стоун отвечает четкой акцентированной двойкой — левый кулак в скулу, правый съедают раздутые губы Ханца. Пошатнувшись, тот быстро приходит в себя, но Стоуна перед собой уже не видит. Не успевает обернуться — получает локтем в спину и падает на одно колено. Остается добить его, но Ханц успевает схватить Стоуна за ногу и отбросить в конец импровизированного ринга.

Стоун слышит: «Убей! Убей! Убей!» — но не совсем понятно, к кому обращен этот призыв. Кажется, он убеждает, однако если кто-то и может убить соперника в бою, так это именно тяжело дышащий верзила Ханц.

Стоун пытается встать, но падает от боли в ноге. Ханц тут же набрасывается сверху, как хищник на раненую жертву. Стоун дает отпор, просто брыкаясь, чем вызывает смех толпы и раздражение соперника. Устав играть в эти игры, гладиатор пытается наступить ему на лицо, но Стоун изворачивается на скользком полу и пролезает между ног Ханца. Затем встает и, прихрамывая, идет в другой конец площадки.

— Склизкий червь! Ничего, рано или поздно я тебя достану, — кричит Ханц. Широким жестом он вытирает кровь из носа, который пострадал от пятки юркого противника.

Гладиатор медленно подходит, по-борцовски расставив руки, — больше не скрывает намерения поймать Стоуна. Оба пытаются обмануть друг друга, дергаясь в стороны. Когда Ханц бросается, Стоун хитро уходит вбок, но, получив подножку от кого-то из зрителей, падает рядом с решеткой. Ханц бежит на него и хватается за плечи, как только Стоун поднимается. Бой переходит в неравное соперничество в стиле сумо. План уложить

противника и забить на земле сменяется планом поджарить его с помощью забора.

Под девчачий визг Стоун упирается ногами в прутья, а руками обхватывает медвежьи лапы Ханца. Тот с ревом, оскалив зубы, по сантиметру отвоевывает пространство, в то время как Стоун, пятясь, уже поднимается по прутьям, как по отвесной скале, выше и выше. В какой-то момент оба замирают, и после безуспешных попыток продавить Стоуна гладиатор отбрасывает его в сторону.

Перекувыркнувшись, Стоун с трудом встает. В лицо летит очередная «кувалда», но он успевает уклониться. А затем еще и еще. Да, рефлексy внонь включились — уроки Джавайи не прошли даром, а удары стали слабее и медленнее. Набухшие и порозовевшие мышцы гладиатора истратили заряд, а это значит одно: пора атаковать.

Стоун набрасывается на Ханца, нанося удар за ударом, а тому остается только отмахиваться. Шахтеры, да и большинство зрителей, режут, поддерживая триста третьего. Он бьет и бьет, едва слышно повторяя: «Падай! Падай!» Очередная попытка ударить приводит к столкновению лоб в лоб. Отшатнувшись, он хочет продолжить, но ноги дрожат, а земля выскальзывает из-под него, будто кем-то выдернутый ковер, и Стоун чувствует, что летит вверх. Попытка подняться заканчивается тем, что он оказывается на коленях и не может понять, где находится противник, а где он сам. Не может, пока тот не обхватывает его сзади в удушающем захвате. То ли яростно ревя, то ли радуясь, Ханц сжимает руки. Стоун понимает, что никак не сможет разжать их и вывернуться не получится, скорее туловище побежит, а открученная, как крышка бутылки, голова останется у противника.

Решение находится в последний момент. Да, не много в нем чести, но, как сказал Павел, в драке вообще нет чести. Либо ты — либо тебя.

Стоун из последних сил бьет Ханца локтем в пах. Когда этот удар помог ему высвободиться из лап охранника — помогает и сейчас. Охнув, гладиатор слегка ослабляет хватку, ровно настолько, чтобы триста третий смог вцепиться в большой палец травмированной руки и крутануть его. Заорав от боли, Ханц отпускает противника.

Обессиленный, гладиатор пытается встать, прикрывая руками промежность. Но Стоун, руководствуясь советом «увидел шанс — используй его», сам прыгает на громилу сзади и сдавливает в захвате шею. Тонкая жилистая рука идеально ложится на гортань, длинные ноги едва обхватывают широченный корпус, но этого хватает, чтобы надавить. Ханц, привстав, пытается сбросить его, мотая корпусом из стороны в сторону, но безрезультатно. И без того опухшая морда краснеет еще сильнее, и после недолгого сопротивления гладиатор стучит по плечу Стоуна. Это сигнал поражения. Ханц падает на колени, затем встает на четвереньки. Но Стоун и не думает останавливаться. Он держит в голове единственную имеющую значение мысль: «или я, или он» — и продолжает душить. Продолжает бороться против подонков. Продолжает побеждать. Продолжает мстить за друзей. Продолжает убийст...

— Стоун! — голос Бена прорывается через рев сходящей с ума толпы. — Хватит! Он сдался! Все!

Стоун, очнувшись, разводит руки и выпускает гладиатора из захвата. Тот, оставаясь под ногами победителя, начинает судорожно хватать воздух.

Встретившись взглядом с Леоном, Стоун ждет, но сам не знает чего. Возможно, признания себя победителем,

ведь он не готов поверить, что сделал это. Что победил. Лидер гладиаторов не выглядит особенно разочарованным и едва кивает, потом бросает брезгливый взгляд на проигравшего и возвращается к игре в карты.

— Впечатляет, — говорит Стоуну Максимус и выжидающе смотрит на Коннора, а тому не остается ничего, кроме как произнести:

— Будешь принцем от гладиаторов.

Колония подхватывает аплодисменты шахтеров. Свист и восторженные вопли заполняют каждый угол. Стоун видит приходящего в себя Ханца, который все еще на полу. Это подтверждение его победы. Стоун бросает взгляд на друзей.

— Ублюдок! Ты принц! — вопит Оскар, на радостях сжимая Джейку в удушающем захвате.

Стоун представляет будущее — успешное преодоление одной задачи за другой на пути к главной цели. Это будущее становится настолько ясным, что придает уверенности: все, что он задумал, обязательно случится — и никак иначе.

Тем неожиданной оказывается лишаящий сознания удар по затылку от пришедшего в себя Ханца.

* * *

Джейк в ужасе закрывает лицо руками, когда Стоун, словно убитый выстрелом в голову, валится на пол, а Ханц, напрыгнув на него, принимается молотить кулаками.

Толпа мгновенно замолкает. Дернувшиеся с места шахтеры замирают, так как кто-то из заключенных успевает раньше них оттолкнуть Ханца. Гладиатор встает, чтобы наброситься на глупца, но останавливается, увидев

перед собой Павла. Почти моля о помощи, он оглядывается на лидера клуба, но, удивленный этим, Леон проносит лишь:

— Ты больше не с нами.

А затем демонстративно отворачивается. То же самое делает и Максимус.

Ошеломленный, Ханц несколько секунд прогружает информацию о том, что ему придется обменять красный браслет на серый, а затем смотрит на бывших одноклубников, смотрит на Коннора в ожидании какой-либо помощи, но читает в их глазах лишь одно — отвращение.

— Хорошо, Леон! Ты этого хочешь? Ты хочешь, чтобы я уничтожил его? — Он небрежно указывает пальцем на Павла. — Ну, сучий потрох! Готовьте для него белую капсулу!

— На месте Стоуна я бы тебя убил, — холодно говорит Павел, снимая куртку и бросая на пол. — А он оставил тебе жизнь. Ошибка...

— Главное правило гладиаторов, ублюдина, — в бою нет... — Ханц не заканчивает мысль: удар ребром ладони в гортань не дает возможности договорить. Начав задыхаться, он хватается обеими руками за горло.

— Я прекрасно его знаю, — напоминает Павел. — Ведь это я его придумал.

Вцепившись в голову Ханца обеими руками, Павел вдавливая его лицо в свое колено. Гладиатор падает на пол. Вместо лица теперь месиво, будто по нему проехала газонокосилка, но, несмотря на это, Ханц встает. Он с ревом набрасывается на Павла. Тот уклоняется, и гладиатор влетает в забор, не видя ничего перед собой из-за залившей глаза крови. Ханца бьет током, но, как только он отскакивает от решеток, Павел, успевший поднять и свернуть куртку, прикладывает ее к плечу и вновь

прижимает гладиатора к источнику электричества, заставляя получать бесконечные разряды. Когда Павел его отпускает, над колонией поднимается запах гари. Ханц, едва дыша, открытыми в ужасе глазами смотрит в белый потолок. Павел быстрым шагом идет к Леону, к тому моменту вставшему из-за стола, но путь ему преграждает Максимус и отталкивает русского.

— Далеко собрался? — спрашивает чемпион.

— Хочешь что-то обсудить, говори со мной! — влезает Коннор.

— Закройся, змея. Я свое мнение высказал. Оно вон там лежит. — Павел кивает на тело Ханца.

— Макс, — произносит за спиной лидер гладиаторов и подходит к Павлу, который, будучи на полголовы ниже и уже раза так в два, не сводит с него глаз.

— Что?

— Не для этого я вас создавал.

Развернувшись, Павел уходит, оставив Стоуна в окружении друзей.

— Раз зрелище завершилось, я попрошу всех вернуться в камеры. Какой прекрасный выдался день... — почти пропевает в микрофон Браун и отключается.

* * *

— Стоун... Стоун... Эй. Давай.

Стоун открывает глаза. Чувствует на затылке руку. Кто-то приподнимает его голову. Картинка собирается в нечто цельное, но мутное.

— Стоун.

— Да...

— Это Марек. Давай, открой рот.

Он подчиняется, и ему в рот наливают что-то прохладное.

— Просто вода. Пей.

Поперхнувшись, Стоун начинает кашлять.

— Ничего.

— Марек...

— Да.

— Что?..

— Ты дрался с Ханцем. Помнишь? — Стоун кивает. —

И ты победил.

— Я... я душил его.

— Да. Он сдался. Но потом напал сзади. Ты отключился.

— Тяжело дышать. Хочу сесть.

— Давай.

Марек помогает ему сесть. Оглядевшись, Стоун понимает, что он в своей камере, на койке Джейка.

— Я вправил тебе нос, но отек еще есть. У тебя, наверное, сотрясение мозга. Без оборудования не понять. Но в остальном без видимых травм — ушибы, синяки.

— Чувствую себя как дерьмо.

— И выглядишь, — говорит Павел, стоящий у дверного проема.

— Где все?

— Внизу, на Терках, — объясняет Марек. — В награду за твою победу Браун разрешил тебя навещать.

— Даже мне, — добавляет первый заключенный, слабо улыбаясь.

— Сколько я был в отключке? — спрашивает Стоун, трогая пластыри на носу и брови.

— Три дня, — продолжает сокамерник, осматривая его. — Скажи, если станет больно.

— Твой сосед оказался настоящим врачом. Тебе повезло.

— Я медбрат. Только окончил колледж, — напоминает Марек.

— Можно? — спрашивает Павел у Марека, кивнув на свободную койку, и тот кивает в ответ. Садясь напротив Стоуна, первый заключенный говорит: — Вызывая Ханца, ты сказал, что у шахтеров не будет принца, но это не так. Оскар уточнил у охраны. Вы могли участвовать в Подведении итогов.

— Могли, — соглашается Стоун и возвращается к их старому разговору: — Я просто хотел быть охотником. Убить нескольких зайцев за раз: ответить гладиаторам, отомстить конкретно Ханцу, улучшить репутацию шахтеров... и добиться *ее* внимания.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского, да?

— Нет. Я просто сэкономил время. Нашел короткий путь. На то, чего я добился в бою, у нас ушел бы месяц. За это время умерли бы четверо.

— Они в любом случае умрут.

— Но, возможно, не те, кто дорог мне. Я просто последовал твоему совету: увидел возможность и использовал ее. И на Терках, и в бою.

— Если бы ты последовал моему совету, с тобой этого не случилось бы.

— Я не готов стать убийцей, — отвечает Стоун. Вспоминает это пьянящее чувство, когда в твоих руках чья-то жизнь и только тебе решать, продолжится ли она. — Даже если речь о такой мрази, как Ханц. В следующий раз, когда мне взбрдет в голову подраться с каким-нибудь амбалом, не забудьте меня отговорить, — шутит он.

Марек, мывший руки, бросает напряженный взгляд на Стоуна.

— Что? — спрашивает он.

— Ну... с Ханцем драться больше не придется, — говорит Павел. — Даже при очень большом желании. Он мертв.

— Как? — ошеломленно спрашивает триста третий.

— Скоро вернусь, не уходи. — Марек выходит из камеры.

— Как мертв? — Стоун повторяет вопрос.

— Как любой другой мертвый. Не дышит. И, вероятно, сейчас бороздит космос вместе с другим космическим мусором.

— Кто его?.. Ты его убил?

— После боя тебя забрали сюда. А его — в медблок. Через два дня его привели в норму и вернули в камеру. Сегодня утром нашли мертвым. Можно сказать, он проглотил гвоздь. Вот такого размера. — Павел выставляет указательные пальцы на расстоянии тридцати сантиметров. — Ты, вероятно, видел такие.

Стоун мотает головой.

— Их используют в строительстве шахты. Ими забивают опоры и балки. Раз гвоздь шахтерский, кто-то теперь считает, что это сообщение от вас.

— Ох, дерьмо... Гладиаторы в бешенстве?

— Нет. За подлый удар Леон выгнал Ханца. Так что, хоть они и напряжены, на него им теперь насрать.

— Это не могли быть наши парни, — уверяет Стоун. — Никто из шахтеров не пошел бы на это!

— Мне можешь не рассказывать. Мне плевать, кто это, но некоторые, видимо по тупости или по привычке, приписывают убийство мне. Считают, что я отомстил за друга. Но проблема в том, что ты мне не друг.

Павел встает и направляется к выходу.

— Слушай, — помедлив, снова обращается к нему Стоун. — Возможно, я схожу с ума, но со мной кое-что происходит.

— Что?

— Я слышу шепот Ящера.

— Мы все его слышим.

— Нет. Я реально понимаю его шепот. Раньше он был неразборчивым, но после карцера мой слух... обострился. В первый день, только вернувшись, я повелся на зов твари. Сам не знаю, как это произошло, но я почти дал ему себя схватить. Я просто... очень захотел понять, что он говорит.

— Ясно, — спокойно кивает Павел, но его глаза в задумчивости замирают.

— Ты тоже его слышишь? Ты был в карцере. В какой-то момент начинаешь слышать шаги охраны, слышать шум из секторов, слышать...

— «Мункейдж». Да. Я тоже. Не привлекай его внимания. Если он поймет, что ты понимаешь его, он будет лезть тебе в голову еще более настойчиво. И... склонять тебя к разным поступкам.

— Куда уж настойчивее? Я уже слышу его. Он просит меня... — Стоун переходит на шепот, — просит убивать...

— Я знаю. Борись с этим, иначе начнешь. Уже были такие случаи.

Очень хочется спросить: «Ты о себе?» — но Стоун сдерживает порыв.

— Последний вопрос.

— Давай. — Павел поджимает губы, так что становится очевидно: его терпение на исходе.

— Почему я тут, а не в медблоке? Ты велел парням не отпускать меня?

— Да.

— Тогда что не так с Мейхемом?

— Он здесь не для того, чтобы лечить вас. Он пролеживает жизнь тем, кто нужен Брауну. Это разные вещи.

— Я думаю, что нужен ему.

— Был бы нужен, тебе в бою помог бы он, а не... другие. Do svidaniya.

Павел теряется за поворотом.

Стоун встает. Несмотря на боль во всем теле и головокружение, он заставляет себя ходить взад-вперед. Приседает разок — боль отдается в бедре, но терпимо. Он хочет выйти из камеры, хотя бы с помоста взглянуть на Терки, но возвращается Марек и суровым взглядом заставляет его сесть обратно.

— Это он, — говорит сокамерник. — Павел спас тебя. Когда ты потерял сознание, Ханц набросился на тебя, успел ударить пару раз, а потом Павел вмешался. И заставил гладиатора пожалеть о своем решении. Отправил его в медблок. Таким же, как и ты, — полудохлым. Но, видимо, как безбилетник он не очень нужен Брауну, раз его вернули в камеру, едва он открыл глаза. Просто на всякий случай, — Марек выставляет перед Стоуном палец, — следи за пальцем.

Судя по удовлетворенному кивку соседа, пациент справляется с поставленной задачей. Помедлив и решившись, Стоун произносит:

— Все хотел спросить у тебя, как ты сюда попал.

— Убил человека, — отвечает Марек. — Как и большинство. А теперь хочешь спросить, как так получилось?

— Да, но ты можешь не рассказывать, если это...

— Случайно, — перебивает Марек. — Как меньшинство. Хочу надеяться, что случайно. Мы с отцом подрабатывали охотниками на волков в Хорватии. Получали

контракты от администраций поселений. Отец научил меня стрельбе, и я с десяти лет ездил с ним. Одна из деревень жаловалась на частые нападения волков, и мы вышли на поиски. В глубоком лесу напали на след, но начался снегопад. Следы почти замело, но было очевидно, что где-то тут недалеко их логово. Мы решили возвращаться в лагерь. Погода быстро ухудшалась. Но нужно было оповестить местное управление о нашей догадке. Отец решил подняться выше, а я остался у машины и осматривал окрестности через прицел винтовки. В какой-то момент я услышал лай, прицелился и увидел, как стая волков гналась за человеком. Видимо, он тоже был охотником. И... он отбивался. Когда они повалили его, я сделал несколько выстрелов, но был сильный ветер, и плохая видимость, и расстояние большое. И... потом я...

— Ты убил его?

— Случайно или специально... Промахнулся или попал... Я долго думал об этом. Слишком долго. Теперь я не уверен ни в чем. Я пытался вбить себе в голову, что избавил его от мучений... неважно. Он был обречен... — Марек кивает сам себе. — Ты вроде тут за что-то другое?

— Я никого не убивал. Никогда. Но из-за моих действий погибли многие. И даже тут. Так что я не вижу большой разницы. Я виновен.

— Как сейчас себя чувствуешь?

— Так же, — усмехается Стоун. — Память нельзя отформатировать.

— Я о здоровье, — уточняет Марек. Стоун впервые видит, как тот улыбается.

— А. Голова трещит, что-то с плечом, нос и глаз ты и так видишь... И колено барахлит.

— Сделал, что мог, — пожимает плечами сосед. — Эти три дня парни...

— Три дня! — перебивает Стоун. — Подведение итогов. Я все пропустил?

— Сегодня. Сразу после Терок, но с такими травмами у тебя нет шансов победить.

— Я обязан туда попасть. Я обещал. Пара синяков меня не остановит.

— Я так и думал, — подмигивает Марек. — Отдыхай. Нужно набраться сил.

* * *

— Призрак очнулся!

— Красава, триста третий!

— Да когда ты уже слохнешь наконец!

Стоун, глядя с четвертого этажа вниз на площадку, слышит крики, явно адресованные ему. Но впервые никаких оскорблений.

— Спускайся, засранец! — подзывает его снизу Оскар, и, приветственно махнув рукой, Стоун ковыляет вниз.

Оскар, приобняв, хлопает его по плечу. Стоун кривится от боли.

— О, прости, забыл, что ты попал под пресс.

— До сих пор жив, — улыбается Бен.

— Да, мне везет.

— Ты не беспокойся. — Оскар подмигивает ему. — Нос и рожа твои заживут. Но теперь ты будешь уродом вечно.

— Он всегда им был, — шутит подошедший Джавайа. — Ну, что, речь? Речь!

— Речь! Речь! Речь! — подхватывают «серые».

— Парни. Все шахтеры! — говорит Стоун окружившим его двум десяткам человек. — Я не умею толкать крутые речи. Просто хочу сказать вам спасибо за то, что

поверили в меня. Это только начало, дальше будут другие успехи, но... также это начало новых сложностей. Впереди нас ждут новые преграды и, возможно, даже смерти. Но мы обязаны выстоять. Не для этого мне столько раз надирали зад, — завершает он, и шахтеры смеются. — Бен, надо поговорить.

Они отходят в угол серой зоны.

— Сколько нас теперь? — спрашивает Стоун.

— Семнадцать. Еще человек десять просятся.

— А как шахта?

— Держимся. Стараемся, чтобы шли десять наших, десять других безбилетников, а остальные десять — от гладиаторов. «Желтые» и «синие» больше не ходят. Походу, эффект последнего боя.

— Без стычек?

— Бывают. Но все держатся плана. Вызывают на ринг. Чаще проигрывают, но главное — дерутся. Даже безбилетники начали брать с нас пример. Скоро шавки Лео-на выдохнутся. Их тридцать пять, а нас и безбилетников вместе больше двухсот.

— Понятно. Слушай, мне сказали, что Ханц мертв и что ходят слухи, будто это кто-то из наших.

— Подстава. Его заставили проглотить шахтерский гвоздь. Это точно не кто-то из нас. За Павла ручаться не могу.

— Это не он. Я ему верю, — говорит Стоун, и Бен не сразу, но кивает.

— Есть еще вариант. Похоже на какую-то байку, Оскар говорит, что продавцы в это верят.

— Ты о чем?

— В «Мункейдже»дохнет много заключенных. В основном из-за драк или от рук начальства, но иногда просто находят трупы. Без виновников и свидетелей.

— Рикки, — сразу вспоминает Стоун.

— Да. Мы тут начали вспоминать с парнями. Действительно, эти подозрительные смерти тонут в общем количестве, но, возможно, кто-то убирает конкретных заключенных по заказу.

— Прекрасно. Теперь у нас орудует маньяк.

— Скорее наемный убийца, а может, и не один. В любом случае заключенных убивают с какой-то целью. Смерть Рикки — попытка нас запугать. Смерть Ханца...

— Попытка запугать нами, — продолжает мысль Стоун. — В любом случае все эти смерти — часть норматива.

— Какого еще норматива?

— Бен, то, что я скажу тебе, должно остаться между нами. По словам Павла, каждый, кто об этом знает, автоматически под прицелом Брауна.

— Говори, — напрягается Бенуа.

Стоун подходит ближе и тихо произносит:

— Со дня основания колонии убито двести семьдесят девять человек. С Ханцем — двести восемьдесят.

— Откуда цифра? — спрашивает Бен удивленно.

— Павел. Он считает убитых. С самого первого дня. Он говорит, что все смерти подчиняются статистике. Одно убийство в неделю. Если умерло слишком много, то в следующий месяц умирает меньше. Они регулируют. Это какая-то гребаная система контроля популяции.

— Двести восемьдесят недель — это...

— Больше пяти лет. Остальные знают только про три года. Это одна из тайн «Мункейджа». Я планирую выяснить, что здесь происходило в первые два года. Для этого мне надо туда. — Стоун указывает на второй сектор.

— Но зачем тебе все это?

— На самом деле я планирую...

— Голубки, не закончили? — спрашивает, подходя, Оскар. — Пока ты был в отключке, мы продавили Мэлфота. Твоя победа убедила продавцов, что шахтеры теперь реальная сила, и в знак дружбы они кое-что тебе передали. — Он вынимает что-то из внутреннего кармана куртки и быстро сует в карман Стоуна. — Отгадай с трех раз.

Ощупав содержимое кармана, Стоун округляет глаза.

— Это же...

— Ага.

— Просто идеально. Оно мне пригодится. Парни... — Стоун смотрит на Бена и Оскара. Именно в таком составе они появились в «Мункейдже». Вместе прошли через проклятый душ и церемонию избиения, то есть «приветствия». Триста первый, триста второй и триста третий. Всё еще живы.

Они возвращаются к остальным, и Стоун сообщает:

— Я собираюсь участвовать в Подведении итогов.

— Да ты еле ходишь, — восклицает Оскар.

— Да, но я должен туда попасть. Все нити ведут к Луне. Другой возможности может и не быть.

— Да не перепадет тебе ничего! — смеется Ос.

— Поверь человеку, который каждый день общается с девчонками: они все тебя хотят! Все без исключения! — говорит Джавайа. — Но взбираться на забор, а потом прыгать в твоём состоянии как-то глупо.

— Я знал, что вы будете отговаривать меня, потому что то, что я задумал, максимально безрассудно. Но я тренировался, принимал вызовы и сам вызвал лучшего гладиатора. И вот мы тут. Что скажете? Забить на все и вернуться в камеру?

— Делай, что задумал, — вдруг говорит Джейк. Остальные молчат, потому что понимают: лучше и не скажешь.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

